

XIII. Милитаризм.

Говоря о патриотизме, нам нельзя не затронуть и страшной язвы современной военщины. Военное сословие образовалось, как мы уже видели, очень рано, и очень рано утвердило свое господство над остальными членами класса или племени, в среде которого установилось таким образом первое разделение на военных и невоенных: раньше все без различия шли воевать, когда в этом представлялась надобность. Несколько позже внутри самого военного сословия произошло второе разделение – на командующих войском и простых солдат.

Мы не знаем, насколько правильно проходило человечество различные стадии своей эволюции, т. е. переходило ли оно постепенно от охотничьего быта к пастушескому, а затем к земледельческому. Оно несомненно начало с охоты, рыбной ловли и сбора диких растений и плодов, но проходило ли оно затем две последующие стадии с такой же последовательностью, с какой ученик переходит из класса в класс, – это далеко недостоверно. Мы склонны скорее думать, что эти три способа добывать себе пропитание соединялись так или иначе, смотря по условиям данной местности, и что какое-нибудь охотничье племя, например, вполне могло продолжать жить главным образом охотой, несмотря на то, что ему был уже известен способ возделывания какого-нибудь полезного растения, и лишь впоследствии перейти к скотоводству.

Как бы то ни было, но достоверно одно: военное сословие при всех условиях сумело сохранить за собой преобладание. Даже тогда, когда ему приходилось делить власть с другими, оно всегда оставляло за собой главную роль и при всех, сменявших друг друга правительствах, становилось их существеннейшей опорой.

Пока это сословие оставалось замкнутой кастой, вербовавшей своих членов из своей собственной среды и ведшей войны на свой страх и риск, население, хотя и страдало от его хищничества (так как военные не стеснялись отбирать у крестьянина все, что вздумается), но раз эта дань была уплачена и раз только по соседству не было никакого войска и никакого укрепленного замка, крестьянин мог быть сравнительно спокоен; во всяком случае, он не должен был отдавать лучшие годы своей жизни на усиление армий своих же собственных эксплуататоров.

Впоследствии владельцы земель начали вооружать, в случае крайности, живущих на их землях крестьян; еще позднее вошла в обычай вербовка солдат для королевского войска с помощью различных уловок и заманчивых обещаний; наконец, буржуазия окончательно взвалила заботу о своей защите на плечи своих рабов: она заставила рабочих отдавать на охрану господствующего класса известную часть своей молодости и таким образом вполне усовершенствовала военную систему. Но так как дать рабочим в руки оружие и сказать им просто «защищайте меня, а я в это время буду наслаждаться жизнью» было слишком опасно, то буржуазия создала в подспорье себе культ патриотизма.

И вот, благодаря этой лжи, ей удалось заставить рабочих в течение долгого времени безропотно платить «налог крови»; благодаря этому софизму она могла систематически отнимать у целого ряда поколений самую здоровую, самую цветущую молодежь и посылать ее на физическую и нравственную гибель в тюрьмы, носящие название казарм; и никто не думал сопротивляться: никто не спросил, по какому же праву требуют от людей, чтобы они на целые семь, пять или три года своей жизни превращались в автоматов, в бессознательные орудия убийства, в пушечное мясо.

Впрочем, нет: отдельные протесты были всегда, дезертирство и уклонение от воинской повинности – явления вероятно такие же старые, как и сами постоянные армии. Но они не основывались ни на каком разумном убеждении; совершавшие их люди не руководились сознанием права своей личности, а действовали скорее под влиянием чувства отвращения к военной службе – чувства, которое они вовсе не трудились разбирать. Мало того: даже те голоса, которые раздавались против войны и милитаризма в литературе, обуславливались исключительно непосредственным чувством, а не основывались, или основывались лишь в очень незначительной мере на логических выводах, на соображениях о человеческой природе и правах личности.

Буржуазия и её литературные панегиристы[29] пели такие громкие хвалы во славу патриотизма и войска, употребляли на восхваление их столько лжи и софизмов, что в конце концов люди окончательно перестали сомневаться в действительности существования прославляемых добродетелей: войско стало безусловно считаться олицетворением всевозможных прекрасных качеств,местилищем всех гражданских доблестей. Не было такого романа, где не фигурировал бы старый служака – образец неподкупной честности, беззаветно преданный своему генералу, у которого он служил когда-то денщиком[30], сопровождая его во всех перипетиях его жизни; он охраняет его от козней невидимых врагов и наконец жертвует жизнью ради спасения своего господина; иногда, для разнообразия, он спасает ребенка-сироту, втайне воспитывает из него героя и, наконец, указывает ему средства вернуть себе былое состояние, отнятое врагами его семьи.

Чего только не говорили поэты для восхваления доблестей, свойственных военному сословию: военная честь, верность, самоотвержение, честность – являлись еще самыми малыми из их добродетелей. И только когда буржуазия сделала такой промах, что заставила всех граждан проводить более или менее долгое время на военной службе – только тогда стали замечать, что под блестящей мишурой, которой облекали своего идола писатели и поэты, не скрывается ничего, кроме нравственной порчи. Допущение однолетней службы для добровольцев и периодическое отбывание воинской повинности в течение двадцати восьми дней, сильнее подрывали милитаризм, чем все, что говорилось против него до того времени.

Пока только один рабочий народ отдавал свою молодость на отупляющую жизнь в казарме, пока в публике знали только внешнюю, декоративную сторону военного дела – блеск, бой барабанов, красивые мундиры, развевающиеся знамена, бряцание оружия – одним словом, все то внешнее великолепие, которым оно облекается, когда показывается народу, – до тех пор литература содействовала его возвеличению, вносила и свою лепту лжи в прославление этого безобразного явления.

Но когда писатели познакомились с ним ближе, когда им пришлось испытать на себе действие оупляющей дисциплины и грубое обращение начальства, преклонение перед армией исчезло: они начали срывать с неё её покровы, начали оспаривать те добродетели, которыми украсили ее их предшественники, и солдат (все равно – простой солдат, или офицер) явился перед публикой в его настоящем виде – в виде грубого, пьяного животного, бессознательного орудия в чужих руках.

И действительно, нужно самому побывать в этом аду, чтобы понять, сколько должен выстрадать в нем чувствующий человек; нужно самому поносить мундир, чтобы увидеть, сколько низости и глупости под ним кроется.

Раз только вы сделались солдатом, вы уже не человек, а автомат, обязанный беспрекословно повиноваться тому, кто над вами командует. У вас в руках ружье – и, несмотря на это, вы должны терпеливо сносить все грубости офицера, который вымещает на вас свое дурное расположение духа или свой винный угар. За какое-нибудь слово, за какой-нибудь жест вы можете поплатиться всей жизнью или, по крайней мере, несколькими годами своей свободы. Каждую субботу вам предусмотрительно читают военное уложение о наказаниях, где слова «смертная казнь» повторяются на каждом шагу; эти слова будут всплывать в вашем уме всякий раз, когда у вас в душе закипит негодование.

Но что больше всего способно вывести человека из терпения, это всевозможные мелочи и придирки. Если кто-нибудь из вашего начальства имеет что-нибудь против вас, или если он просто грубый и тупой человек, то он двадцать раз в день найдет случай придраться к вам, ради одного удовольствия сделать вам неприятность: при перекличке, за какой-нибудь плохо вычищенный ремень, за какую-нибудь пуговицу, которая меньше блестит, чем остальные, за какие-нибудь подтяжки, которые вы забыли надеть, вас будут осыпать бранью, посадят под арест, начнут подвергать бесконечным осмотрам, исследовать весь ваш костюм, до нижнего белья. То же самое и в казарме: постель не совсем хорошо постелена – ругань: «чтобы кровати были как бильярды!» кричат вам постоянно – и эту ужасную фразу хорошо помнят все, кому пришлось пройти через казарму; одежда плохо уложена на полке – опять ругань; самое же главное искусство заключается в том, чтобы солдат умел вычистить подошвы запасной пары сапог, висящей у него под кроватью так, чтобы не запачкать ваксой шляпки вбитых в подошву гвоздей.

А бесконечные осмотры! По субботам – осмотр оружия, причем вы опять слышите те же замечания и ту же ругань – «подлец», «свинья», и другие столь же любезные выражения. Затем, в виде разнообразия, капитан приходит осматривать у вас руки и ноги, чтобы убедиться в их чистоте. Наконец, раз в месяц вы должны терпеть нечто еще худшее – так называемый санитарный осмотр, где полковой живодер осматривает самые сокровенные части вашего тела. До вашей чувствительности, до вашей щепетильности никому нет дела: все это тотчас же растаптывается грубым сапогом тех, кто поставлен командовать над вами.

«Армия – школа равенства», говорят нам подкупные слуги буржуазии; но это – равенство в порабощении, и не к такому равенству мы стремимся. Но вернемся к бесконечным осмотрам: каждые три месяца – или каждые полгода, не помню в точности – вам производит смотр

какой-нибудь высший офицер, а раз в год – дивизионный генерал. За две недели до этого последнего события в казарме все перевертывается вверх дном – чистят все помещения, моют кухни. В виде развлечения, вы имеете опять-таки смотры: сегодня является унтер-офицер, завтра – офицер, командующий полувзводом, послезавтра – капитан, затем полковой командир, и так до бесконечности. И каждый раз вы должны раскладывать на кровати весь свой багаж: прежде всего осторожно расстилается носовой платок, который тщательно берегут для этого случая; на него кладутся щетки, смена обуви, кальсоны (которые тоже являются на сцену только в этот день) рубашка, свернутая известным образом и определенной длины, ночной колпак, коробка с салом, пузырек с жидкостью для чистки меди, игольник, нитки и ножницы. Для того, чтобы солдаты раскладывали все это в надлежащем порядке, на стене висят указания, с которыми приходится постоянно справляться, чтобы знать, куда положить пузырек с жидкостью для чистки, или еще какой-нибудь, столь же важный, предмет. Каждая вещь должна быть на своем месте; иначе, если офицер заметит какую-нибудь неправильность, на вас посыплется град ругательств. Ведь за подобную небрежность мало смертной казни! Представьте себе только, какой ужас был бы, если бы пузырек оказался на месте коробки с салом! Ведь узнай это генерал – Франция окончательно погибла бы! Мы уже говорили, в чем заключается главное искусство; но здесь оно достигает своей высшей точки: вас заставляют чистить ваксой ножки кровати[31].

В этих смотрах, производимых генералом, обнаруживается все раболепство не только низших, но и высших офицеров. Как только доходит весть о приближении генерала, вы видите, как все эти офицеры, такие высокомерные, когда им приходится говорить с солдатом, вытягиваются в струнку и смиренно следуют за генералом, а генерал – если только он не совсем дряхл – выступает впереди, гордо выпрямившись. И с какой яростью устремляются все глаза на несчастного солдата, который как-нибудь даст повод к замечанию со стороны высшего начальства! Какой ужас! все офицеры вне себя: солдату не хватает иголки или же он забыл, что вчера кончились те две недели, в течение которых мундир нужно застегивать слева направо и что теперь он должен быть застегнут справа налево! Полковой командир от ярости не может произнести ни слова, подполковник готов лопнуть от злости, капитан зеленеет от страха; один только унтер ничего не говорит, потому что знает, что ему достанется от всех. Его положение – ясно; правда, он может утешаться тем, что выместит все на виновном.

Когда не предвидится никаких смотров, вы имеете другого рода развлечение: в четыре часа, обыкновенно по субботам, солдат сзывают на работу, которая состоит в том, чтобы ходить по казарменному двору и собирать в кучу разбросанные там камни. После часа этого приятного времяпрепровождения, вы вновь возвращаетесь в казарму, а сложенные вами кучки камней в течение всей недели разбрасываются проходящими по двору, так что в следующую субботу вы начинаете работу сызнова. Военная жизнь изобилует такими остроумными развлечениями.

Иногда вечером, после столь полезно проведенного дня, вам захочется, может быть, побеседовать со своими товарищами по заключению; но вы скоро увидите, что их разговоры далеко не способны поддержать бодрость человека или внушить ему высокие мысли. Вот вы замечаете несколько человек, которые смеются до упаду; вы подходите, ожидая услышать что-нибудь остроумное, и что же? Какой-то болван рассказывает неприличную историю,

глупую и банальную. Вы с отвращением отворачиваетесь, и попадаете в другую группу, где, захлебываясь от удовольствия, вспоминают прошлые попойки или мечтают о будущих, которые они себе устроят, если удастся обманом вытянуть денег у родственников. Вы не найдете ничего, кроме пьянства и грязного разврата; напрасно-бы вы стали говорить о чем-нибудь другом! вас никто не поймет. Других удовольствий для них не существует. Не удивительно после этого, что среди людей, проводивших три года в этой обстановке, оказывается столько кандидатов на должность полицейских и жандармов. Войско есть ничто иное, как школа деморализации, из которой могут выходить только сыщики, тунеядцы и пьяницы. Лишь очень немногим удастся устоять против отупляющего влияния этих трех лет, да и у тех еще долго остаются следы этого влияния.

Как страшно разбивает человека эта грубая, отвратительная дисциплина! Как она притупляет мозг, портит характер, убивает энергию! Вы отдаете этой ужасной машине молодого человека с душой, открытой для всего справедливого и прекрасного, с энергией, которая бы еще выработалась в ежедневной жизненной борьбе, с умом, который расширился бы в будущем, и под влиянием уже приобретенных знаний, и под влиянием потребности учиться дальше; но дисциплина точно одевает на него чугунную шапку, которая с каждым днем все сильнее и сильнее сдавливает его мозг; даже биение его сердца замедляется. И когда, после трех лет, эта иерархическая машина отдаст вам его – если только отдаст – то перед вами будет лишь бесформенное подобие человеческого существа.

Бесчувственные буржуа! Мы уже видели, что защита страны, к которой вы нас готовите, есть ничто иное, как организация ваших привилегий; военная служба, которую вы возводите во всеобщую обязанность, точно также существует только ради вашей защиты, а между тем вы возлагаете всю тяжесть её на тех, против кого эта сила направлена и кто, таким образом, кроме всего остального, дает возможность тем из ваших, которые не способны ни на какое другое, более осмысленное, занятие, получать в изобилии чины, почести и крупные жалования. Эти же чины и деньги служат приманкой для честолюбия тех людей, которые изменяют своему собственному классу, чтобы сделаться тюремщиками на службе у буржуазии.

Что нам за дело до вашего патриотизма, до ваших границ, до вашего искусственного разделения народов! Ваше отечество нас эксплуатирует, ваши границы нас давят, ваши национальности нам чужды. Мы – люди, граждане всего мира; все люди для нас – братья, и наши единственные враги, это те, кто нас эксплуатирует, кто мешает нам свободно развиваться и прилагать наши силы. Мы не хотим больше быть игрушкой в ваших руках, не хотим больше служить защитниками ваших привилегий, не хотим носить постыдную лакейскую ливрею на вашей военной службе, не хотим подчиняться отупляющему гнету вашей дисциплины. Довольно уж мы гнули перед вами шею, мы хотим, наконец, быть свободными!

А вы – бедняги, которым еще предстоит отбывание воинской повинности, неужели, читая в газетах о несправедливостях, совершаемых во имя дисциплины, слушая рассказы о притеснениях, жертвой которых становятся те, кто имел глупость позволить взять себя в солдаты, – неужели вы не задумаетесь над тем, что ждет вас в казарме? Если вы до сих пор видели жизнь солдата лишь сквозь дым фимиама[32], который курят военщине буржуазные

поэты и писатели, неужели вы не поймете, наконец, всю ложь, которая заключается в этом воспевании на все лады военных добродетелей, солдатской чести, военного достоинства!.. Идите, несчастные бедняки, губить ради магического слова «патриотизм» или же из страха военного суда, лучшие годы своей молодости в той школе испорченности, которую называют казармой, – идите, но знайте, какая участь вас ждет.

Если вы хотите благополучно окончить срок вашей военной службы, оставьте дома, вместе с штатским платьем, всякое чувство собственного достоинства; скройте в самой глубине вашего сердца всякое стремление к независимости: *военные добродетели, военная честь* требуют, чтобы вы были не больше, как машиной для убийства, как бессознательным автоматом, а если вы всё-таки нечаянно сохраните где-нибудь в глубине души, под лакейской ливреей, в которую вас оденут, хоть малейший признак гордости, это легко может оказаться для вас гибельным.

Если какому-нибудь грубому пьянице вздумается вас оскорбить и если при этом на его мундире нашиты погоны – постарайтесь тщательно скрыть движение мускулов вашего лица, когда они, помимо вашей воли передергиваются от чувства обиды; если вы подняли руку, чтобы опустить ее на лицо вашего оскорбителя, приложите ее скорее военным жестом к козырьку вашей фуражки. Если вы открыли рот, чтобы ответить на угрозу или оскорбление, скажите, вместо этого, только: «Слушаю, ваше благородие». Или, нет, лучше не говорите ничего: малейший жест, малейшее слово, малейший признак волнения могут быть истолкованы как выражение иронии и навлечь на вас кару за недостаток почтения к начальству. Каково бы ни было оскорбление, – вы должны совладать со своим гневом, должны оставаться нечувствительным, спокойным, невозмутимым. Руки по швам, каблук к каблуку! Отлично! Вы терпеливо, глазом не моргнув, сноситесь оскорбления? Прекрасно, вы – хороший солдат! Это именно то, что требуется от защитников отечества.

«Но», скажете вы, «если я не могу оставаться невозмутимым, если, помимо моей воли, кровь приливает мне к мозгу и все начинает во мне кипеть?» Тогда есть только одно средство: не идти в эту каторгу, из которой вы выйдете испорченным, забитым, уничтоженным. Если вы хотите остаться человеком, не идите в солдаты, если вы не умеете сносить оскорбления, не надевайте мундира. Если же вы уже сделали эту оплошность и если когда-нибудь вы окажетесь в таком положении, что не сможете сдержать своего негодования... то не оскорбляйте и не бейте своего начальника: лучше убейте его прямо! Вы одинаково поплатитесь за это!

Версия #1

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 8 июля 2025 17:13:56

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 8 июля 2025 17:14:07